

ВРЕМЯ. ЖИЗНЬ. ЛИТЕРАТУРА

БЕЛОРУССКАЯ ЗВЕЗДА НАД МОСКВОЙ

ВАЛЕРИЙ
ГРИШКОВЕЦ

К 80-летию Петра Кошеля



В апреле 2026 года известный поэт, публицист и переводчик Петр Кошель отметил 80-летие.

Родился в Слуцке. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор более 20 книг, в том числе научно-популярных, документально-исторических, переводных, вышедших в издательствах «Советский писатель», «Молодая гвардия» и др. Среди книг: двухтомники «История сыска в России», «История наказаний в России», серия «История Санкт-Петербурга». Петр Кошель автор многократно переиздававшейся «Большой школьной энциклопедии» в 2 томах, «Энциклопедии искусства».

Я же хочу рассказать о Кошеле-поэте, влиянии его творчества на молодых поэтов-современников, в частности на меня.

Имя Петра Кошеля стало широко известно в середине 1970-х годов, после публикации стихотворения «Дверь отворяется, входит отец...». В те годы достаточно было напечатать в союзном журнале или, к примеру, в «Литературной газете» одно-единственное стихотворение, чтобы о тебе заговорили, признали, приняли читатели и мастера поэтического цеха. Разумеется, при условии, что это стихотворение будет не похожим на все, что было написано до этого, глубоким по содержанию и оригинальным по форме. Со стихотворением «Дверь отворяется, входит отец...» так и случилось.

Петр Кошель был первым, кто в русскую ткань стиха вплел белорусские слова, которые читателем, не знакомым с мовай, были приняты безо всякого противления, легко и просто. Они прозвучали органично, ярко и убедительно, и вместе с тем драматично, даже трагично. Добавили стихотворению смыслов и глубины. Хотя, на первый взгляд, звучит оно просто:

Дверь открывается, входит отец:
— Дзе маці? —
Дверь открывается, входит мать:
— Дзе бацька?

Вот так они ищут друг друга, ищут,
а вьюга свищет вокруг и свищет,
и стены хаты дрожат от ветра...
Отец мой Женя и мама Вера.

Дверь открывается, входит отец:
— Дзе маці? —
Дверь открывается, входит мать:
— Дзе бацька?

На этом зябком горчайшем свете
один, не верующий в бессмертье,
стирая поздние злые слезы,
стою и слушаю их вопросы.

Дверь открывается, входит отец:
— Дзе маці? —
Дверь открывается, входит мать:
— Дзе бацька?

— Дзе маці?
— Дзе бацька?

После публикации первых стихов в Москве о Петре Кошеле стали много писать, заговорили — и читатели поэзии, тогда в Союзе их было немало, и литературные критики. Причем самые авторитетные: Вадим Кожин, Сергей Чупринин, Лариса Баранова-Гонченко, Вадим Дементьев. И, конечно же, поэты. В первую очередь, молодые и только входящие в литературу, делающие первые шаги в ней...

Стихи Кошеля переписывали от руки, читали в поэтических студиях, которые в те годы были при каждой провинциальной и многотиражной газете. Его стихи хорошо ложились на музыку. Искренне воспринимались молодыми людьми, желавшими знать о жизни больше, нежели тогда преподносила пресса, да и пелось, говорилось по радио, телевидению, с эстрады. К примеру:

Издалека, от самого заката
бьет океан волною лиловой.
Любимая ни в чем не виновата.
Любимая ни в чем не виновата.

В куфаечке, где сто одна заплатка,
он берегом проходит воровато.
Любимая ни в чем не виновата.
Любимая ни в чем не виновата.

Он позабыл давно сестру и брата,
и лишь на фотографии измятой —

любимая — ни в чем не виновата,

любимая — ни в чем не виновата.

У старого заброшенного склада
он завтра сдохнет, будто так и надо.

Любимая ни в чем не виновата.

Любимая ни в чем не виновата.

С путины возвращаются ребята.

Он водку пьет. И нет ему возврата.

И только на земле одна отрада:

любимая ни в чем не виновата,

любимая ни в чем не виновата.

Впервые с поэзией Петра Кошеля я познакомился, как и со стихами многих полюбившихся поэтов, в журнале «Юность», выходявшем двухмиллионным тиражом (сейчас в это трудно поверить). Это был № 1 за 1975 год — с начала 1970-х редакция журнала ежегодно отдавала первый номер молодым писателям и публицистам. Попасть в такую компанию было особенной удачей, честью и шиком. Я много раз — и до армии, и после службы — посылал свои стихи в «Юность». Увы, увы...

Зима 1975-го была для меня второй солдатской зимой. По армейским понятиям — «старик». Можно было маленько сачкануть от тяготы солдатских обязанностей, позволить себе некоторые вольности. Правда, я служил в авиации, у нас в полку если и была «дедовщина», то совсем не такая, какую приходилось наблюдать в соседних частях стройбата. Там «молодых» солдат просто выкручивали наизнанку — по воскресеньям, вместо отдыха, часами гоняли строевым, ну и запахи-вали на службе-работе. Она мало чем отличалась от каторжанской. Не случайно ведь поговорка армейская ходила: два солдата из стройбата заменяют экскаватор...

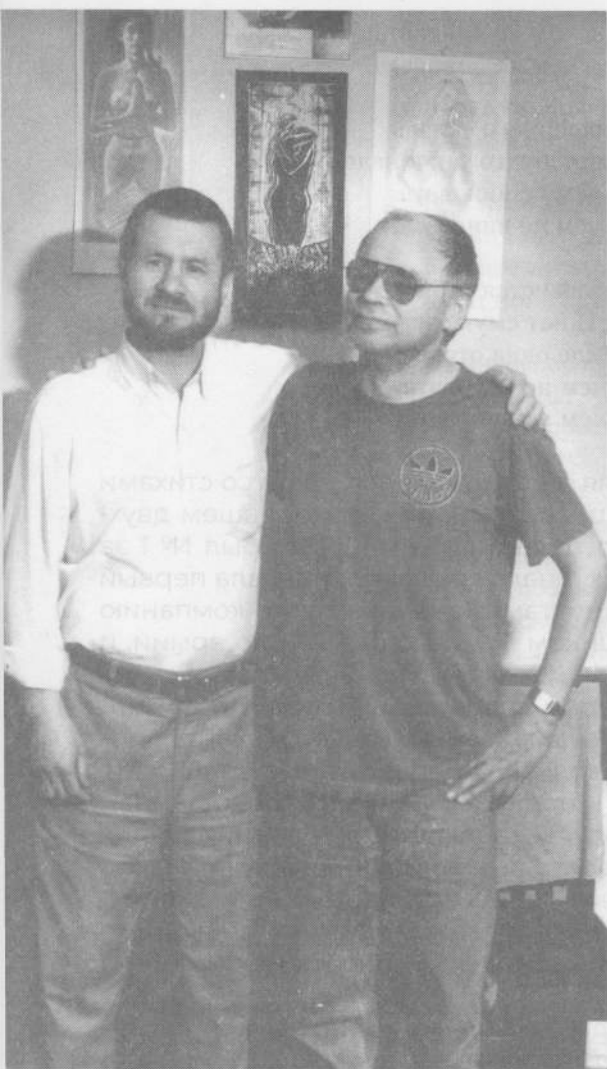
К тому же на последние полгода службы меня назначили каптером. Каптерка — это не казарма, хотя она тут же, в казарме. Это пусть небольшой, пусть самый крохотный, но твой уголок-мир, да хоть мирок, но — твой! Посреди ежеминутной круглосуточной казенщины, где никто, ни один человек не принадлежит себе. А тебе хочется быть собой — жить своими мыслями, мечтами, ожиданиями, надеждами. В солдатской каптерке впервые за полтора года я стал читать то, что хотелось. Ну и писать...

Закрывшись в каптерке после отбоя, я читал и перечитывал «Юность» со стихами Петра Кошеля. А еще обратил внимание на его фамилию: в начале 1970-х в Беларуси гремело имя гимнастки Антонины Кошель, олимпийской чемпионки Мюнхена. Вот я и гадал: земляк — не земляк? В Советской армии землячество имело огромное значение, вокруг этого у солдат часто возникали всякие разговоры, суды-пересуды, споры. Ну и, конечно, земляки тянулись друг к другу.

По тающей вниз Долгобродской
к озябшей церквушке пройдем.

Ну, ладно. Любовь не дается.

Пускай на потом, на потом...



Валерий Гришковец и Петр Кошель
в редакции газеты «Полесская правда».
Май, 1998 г.

Читал и думал: где же эта улица Долгобродская, по которой проходит молодой поэт Петр Кошель с девушкой к озябшей церквушке? И почему это любовь не дается им?..

А еще думалось: пройдет каких-то полгода, и я буду ходить по улицам — с друзьями и девушкой, а как же! — не по плацу и бетонным дорожкам к солдатской столовой, к штабу полка, на спортплощадку, в санчасть...

Человеческая жизнь хороша мечтами, а еще — тайной, что по сути одно и то же. Тайной завтрашнего дня, тайной ближайшего поворота улицы. Эта неизвестность жизни — один из основных залогов поэзии, эта до поры неразгаданная тайна и творит поэзию: «Ну, ладно. Любовь не дается. // Пускай на потом, на потом». Эта «на потом, на потом» оставляет нам шанс, позволяет надеяться на лучшее в жизни. Тайна завтрашнего дня, тайна человеческой жизни характерна для многих стихотворений Петра Кошеля. Потому они и привлекли внимание читателя буквально с первых публикаций — были не похожи на все, что тогда выходило у молодых, да и признанных поэтов:

В Ялте осень светла и печальна.
Синий ветер глаза холодит.
В небесах театральная чайка.
Анна Дидериц. Чья-то перчатка.
И ружье со значеньем висит.

Или вот еще, тоже из ранних стихов Кошеля, того времени, когда его сверстники в большинстве своем воспевали ударные комсомольские стройки, трудовые свершения и покорение космических просторов:

Меня хоронят под Архангельском
в такой неурожайный год.
Меж скособоченными хатами
телега по грязи плывет.

И ты, смешная, нездоровая,
ловя губами серый дождь,
уже поломанной, юродивой,
за мной бессмысленно идешь.

Я уходил в армию, надеясь на службе закончить «вечерку» (такие возможности в некоторых частях солдатам предоставлялись) и сразу после дембеля поступать в Литературный институт. Не вышло. Пришлось мне добывать среднее образование в пинской вечерней школе. Получив аттестат летом 1976-го, поехал в Москву сдавать экзамены в Литинститут. Творческий конкурс прошел и получил вызов. Уже полгода я работал корреспондентом пинской газеты, но в моей голове иной раз бушевал такой поэтический ветер, что напрочь выдувал из меня хоть какую-то серьезность. Отвез вещи в общежитие Литинститута и двинул на поиски армейского товарища. Жил он в Павловской слободе, хорошо помню, за Истрой. В речке Истре мы и купались, накануне хорошенько поддав. Ну, пусть бы один раз, за встречу, так сказать. А то так и ездил на экзамены из Павловской слободы — после хорошего накануне возлияния. И, конечно же, не поступил — не хватило одного балла...

Правда, хватило ума и сил зайти в редакцию журнала «Юность». Напечататься в нем было давней моей мечтой. В отделе поэзии указали на молодого парня, черноволосого, с такими же яркими черными усами: «Вот — Виктор Коркия, сотрудник отдела, он посмотрит ваши стихи».

Коркия, перебирая листки с моими стихами, расспрашивал о том о сем. Как только услышал, что я из Пинска, сказал: «В Москве живет Петр Кошель, твой земляк, лучший поэт нашего поколения». А узнав, что я сотрудник газеты, сказал, как сейчас помню: «Молодому поэту, пишущему по-русски, лучше в Москве на трамвайных путях шпалы забивать, чем в Минске в газете писать». Я промолчал, хотя в душе не согласился с этим. А зря...

В тот же год в одном из последних номеров журнала «Дружба народов» я читал стихи Петра Кошеля с предисловием Владимира Соколова и в который раз вспоминал слова Виктора Коркия — о лучшем поэте поколения Петре Кошеле и о шпалах. А ведь жил я даже не в Минске — в Пинске...

Вскоре работу в газете мне пришлось оставить, но уехать в Москву возможности не было. В Советском Союзе было строго — рабочие нужны, но, увидев в паспорте штамп о разводе, тут же спрашивали: «Алиментщик»? И дело с концом. Правда, в Пинске было несколько мест, куда брали, ничего не спрашивая. Разведенных, судимых, «откинувшихся», освободившихся из ЛТП алкоголиков... Одним из таких мест был плавсостав ССРЗ — судостроительно-судоремонтного завода.

Так в марте 1979-го я оказался на курсах рулевых мотористов Пинско-го ССРЗ. Хотя курсы — это громко сказано. Как и словосочетание «рулевой моторист». Корочку выписывали, ничего не спрашивая: иди работай! На практике вся наука рулевого моториста сводилась к одному: цеплять-отцеплять трос при швартовке-отшвартовке теплохода-буксира в сцепке

Стихи Кошеля переписывали от руки, читали в поэтических студиях, которые в те годы были при каждой провинциальной и многотиражной газете. Его стихи хорошо ложились на музыку. Искренне воспринимались молодыми людьми, желавшими знать о жизни больше, нежели тогда преподносила пресса, да и пелось, говорилось по радио, телевидению, с эстрады.

с рудовозом (баржой) в шлюзах Днепровско-Бугского водного канала и на реке Припять. Рулевому мотористу также вменялось драение (весьма условное) палубы теплохода, погрузочно-разгрузочные работы всего-всякого, что обеспечивало нормальную работу и бытование экипажа.

В один из дней, идя на курсы, я заглянул в книжный магазин. Увидев среди новинок книгу Петра Кошеля «Листва», не раздумывая полез в карман. Помнится, раскрываю книгу, всматриваюсь в портрет и удивляюсь: неужели Кошель не мог другой снимок предложить? А то какой-то с виду мятый, как и его пальто и шапка. Но сидящий рядом со мной недавно «откинувшийся» мужик шепнул на ухо:

— Отличный поэт!

— Откуда знаешь, читал, что ли?

— Да нет, по фотографии вижу.

Читая-перечитывая стихи Кошеля из «Листвы», я не переставал удивляться многому. Во-первых, не мог понять, почему он так долго не издавал первую книжку, ведь давно печатается в лучших журналах страны, про его творчество пишут известные критики... Во-вторых, почему в Минске, а не в Москве?.. И все думал: вот с кого надо брать пример! Не боится открыто говорить о человеке с улицы, точнее сказать, с обочины — и улицы, и жизни.

В 1980-х Петр Кошель издает в Москве книги «Городская звезда» и «Такой, как есть», а в Минске — «Река Жизнь». В них поэт, разрабатывая и новые для себя темы, остался верен той, что диктовали ему судьба и память.

Работая ведущим редактором издательства «Советский писатель», курировал поэзию Украины, Беларуси, Молдовы и Северного Кавказа. Сам немало переводил: с украинского, сербского, с дагестанских языков и, конечно же, с белорусского. Часто приезжал в творческие командировки в Беларусь. И в его творчестве все больше и больше звучали белорусские мотивы. Взять хотя бы стихи: «Цветок папоротника», «Шляхетская ярмарка», «Хутор», «Осознать жизнь свою...», «Кружатся чайки над Бугом...», «На родине Якуба Коласа...». И большая их с женой, историком архитектуры и искусствоведом Инессой Слюньковой, дочерью известного советского и белорусского государственного деятеля, московская квартира на Таганке на долгое время стала приютом для многих земляков. Кто только из белорусских поэтов и людей прочих профессий культуры и искусства ни бывал в ней, ни останавливался, ни ночевал...

В переводах Петра Кошеля еще до распада СССР вышли: избранное Винцента Дунина-Марцинкевича, избранное Тётки, книги «Час ветров: стихи и поэмы белорусских поэтов 1920—1930-х гг.», «Осел на именинах: белорусские басни», «Волшебная криничка: фольклор, стихи, рассказы», «Через наше село летело помело: из белорусской народной поэзии». А также отдельные книги и стихотворные подборки многих и многих современных белорусских поэтов в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Москва», «Нёман», в альманахе «Дне поэзии», в «Литературной газете» и других изданиях.

К слову, Петр Кошель одним из первых поэтов позднесоветского периода заговорил в стихах о человеке с обочины жизни. И заговорил не для бичевания его (он и без того «бич» — бывший интеллигентный человек), а чтобы знали: есть у нас и *такие*, и они тоже — люди. Допускаю, сам того не понимая, точнее сказать, не придавая этому какого-то особого значения, заговорил голосом собственной судьбы и своей

жизни. Потому что с детских лет довелось ему жить на Сахалине, в рабочем поселке, сначала и вовсе в землянке, далеко-далёко от мест, где появился на свет божий.

Вот как об этом вспоминал сам поэт: «Станция Новодворцы под Слуцком, где мой отец был дежурным по железнодорожной станции. Сейчас это в уже в черте Слуцка. <...> В Новодворцах, как я понимаю по рассказам матери, жили неплохо. Свой огородик. Она пекла хлеба, выносила их к поездам. Разбирали враз. Взамен, если не было денег, предлагали всякие мелкие вещи из Германии. Парашютный шелк, рубашки из которого я долго носил.

Однажды новодворский стрелочник передвинул стрелку не туда, и товарный поезд сошел с рельс. Пострадавших не было, но случай вопиющий. Стрелочник упал на землю и стал кричать, что у него заворот кишок. Аварии на железной дороге случались довольно часто, и каждый железнодорожник помнил слова наркома Лазаря Кагановича: «У каждого происшествия есть имя и фамилия», — то есть отцу реально грозило лет двадцать пять. Он бросился в Могилев, где его односельчанин генерал-майор Королев уже был главой области. Он ему и посоветовал завербоваться на Сахалин или в Краснодарский край на восстановление железной дороги. Родители посоветовались и решили было в Краснодарский край, но кто-то им сказал, что там печки топят кизяком. Они решили, что это совсем дикий край, и выбрали Сахалин. Даже не зная, где это.

Вот так поворот железнодорожной стрелки изменил мою жизнь и пустил ее зигзагами».

У самой охотской воды,
где мусор засыпал причал,
сидел одинокий мужик,
измятую книжку читал.

В бахилах, в линиях штанах,
он скреб под фуфайкой бока,
а серое море, как бык,
точило о сваи рога.

Когда я к нему подошел,
когда я спросил закурить,
он мне протянул «Беломор»
и начал судьбу материть.

Какого-то Сниткина крыл,
чужие квартиры и жен,
сестру, задубелый причал
и город с названьем Торжок.

Гудели, хрипя, сейнера,
к столовой рабочие шли,
медлительный северный день
на убыль уже повалил.

А книга лежала себе,
как рыба лежит или хлеб,
и ветер страницы листал,
когда пробегал по земле.